ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; e-mail: bogomolov@inion.ru

КОРРЕСПОНДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ПЕТРОГРАДСКОГО) ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА А. И. МАРКОВ

Цель статьи – всестороннее изучение деятельности берлинского корреспондента Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства (ПТА) Алексея Ильича Маркова. В историографии сведения об этом журналисте обрывочны, до сих пор не установлены даже даты его жизни. Исследование важно и для понимания особенностей работы заграничной корреспондентской сети ПТА, в частности на важнейшем германском направлении. Источниковую базу статьи составили документы ПТА 1906–1917 гг., а также новые архивные материалы к биографии Маркова. Окончив Тюбингенский университет в 1888 г., он опубликовал несколько изданий на немецком языке, включая самоучители и переводы произведений известных русских писателей. Знание Германии стало главной причиной его назначения берлинским корреспондентом агентства. Хотя Алексей Ильич был талантливым обозревателем, важнейшие для корреспондента качества – быстрота действия, краткость и емкость сообщений – не были ему присущи. Частой была пересылка в Петербург малозначительных, многословных и дорогостоящих сообщений. Марков постоянно проигрывал конкурентам из русских газет в скорости передачи новостей. Переезд в Стокгольм лишь ухудшил ситуацию, так как более удобным пунктом передачи телеграмм из Европы был Копенгаген. Несмотря на критические замечания руководства агентства, Марков проработал в Берлине и Стокгольме больше десяти лет – как ценный обозреватель для МИД и местных русских посольств. Лишь революция 1917 г. стала причиной его увольнения.

Ключевые слова: Петроградское телеграфное агентство, Отдел печати и осведомления МИД, корреспондент, А. И. Марков, О. И. Ламкерт, И. Я. Гурлянд, А. В. Неклюдов.

Igor K. Bogomolov, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: bogomolov@inion.ru

CORRESPONDENT OF THE ST. PETERSBURG (PETROGRAD) TELEGRAPH AGENCY A. I. MARKOV

The article is devoted to the life and work of A.I. Markov, a journalist, economist, resident correspondent of the St. Petersburg (Petrograd) Telegraph Agency in Berlin. Information about him is fragmentary, even the dates of his life have not yet been established. The article is also aimed at an in-depth study of the PTA correspondent network in Europe on the eve and during the First World War. The study involved PTA documents of 1906–1917 and new archival materials to Markov's biography. After graduating from the University of T bingen in 1888, he published several books in German, including self-study guides and translations of works of famous Russian writers. Markov's good knowledge of Germany was the main reason for his appointment as the Agency's Berlin correspondent. However, a different scale of tasks and level of responsibility awaited him there. Although Markov was a talented observer, he did not possess the most important qualities for a correspondent – speed of action, brevity and capacity of messages. He often sent insignificant, wordy and expensive messages to St. Petersburg and constantly lagged behind competitors from Russian newspapers. His move to Stockholm was not a very good idea, since a more convenient point for transmitting telegrams from Europe was Copenhagen. Despite criticism from the Agency's management, Markov worked in Berlin and Stockholm for more than ten years, as for the Foreign Ministry he was a valuable observer in Germany and Sweden. Only the revolution of 1917 was a sufficient condition for his dismissal.

Key words: *Petrograd Telegraph Agency, Press and Information Department of the Ministry of Foreign Affairs, correspondent, A. I. Markov, O. I. Lamkert, I. Ya. Gurlyand, A. V. Neklyudov.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.137161

Введение

Деятельность зарубежных корреспондентов Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства (в 1904–1914 гг. в прессе его название обычно сокращалось до СПА) до сих пор не привлекала должного внимания историографов, специальные исследования на эту тему крайне редки. Едва ли не единственное найденное исследование повествует о корреспондентах в Японии (Михайлова, 2017). Нужно сказать, что тема заграничных корреспондентов тесно переплетается с сюжетом о военной пропаганде за рубежом, которую вели в основном Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), Ставка и МИД. Отметим работы

И. В. Объедкова о русской пропаганде в Европе и США, осуществлявшейся в том числе местными русскими журналистами (2014; 2015; 2017). Однако роль СПА и его представителей за рубежом достойна внимательного рассмотрения. Накануне и в годы войны агентство было основным каналом зарубежной информации в предреволюционной России, именно с ним взаимодействовала большая часть русской прессы. Летом–осенью 1914 г. агентству удалось в основном сохранить сеть представителей в Европе, стабильно получать новости со всего мира. Стремясь ослабить зависимость от СПА, печать нанимала собственных корреспондентов, однако даже в крупнейших столичных изданиях «агентские» телеграммы занимали значительное место. Эта зависимость лишь усилилась с началом мировой войны: редакции газет утеряли связь с большинством своих представителей в Европе, некоторые из них были застигнуты войной во вражеских странах и попали в плен (Петрова, 2015). СПА, в свою очередь, зависело от зарубежных источников ГУГШ и Ставки, но имело и собственные интересы, предпочтения в тематике зарубежной информации, сроках ее доставки, формате и объеме сообщений. Это влияло на отношения между ведомствами и значительно усложняло повседневную работу журналистов.

Особое значение приобрела информация из стана врага, которую отныне можно было получить только через нейтральные страны. Печати и СПА пришлось оперативно налаживать связь со Стокгольмом, Копенгагеном, Римом, Берном и Женевой. Новыми представителями в этих городах чаще всего становились журналисты, успевшие выехать из Германии и Австро-Венгрии. Конкуренция шла не только за быстроту передачи новостей, но и за содержание: большая их часть касалась внутреннего положения вражеских государств и влияла на общественные настроения в России. При этом корреспондент СПА находился в менее выгодном положении, чем представители частных газет, так как имел больше обязанностей и больше начальников: на его работу мог влиять не только директор-распорядитель агентства, но также и МИД, ГУГШ и Ставка. Помимо постоянной передачи в Россию зарубежных новостей, он должен был принимать участие в скрытой борьбе за симпатии местного общества, находить ценные сведения из стана врага и продвигать в местной печати положительный образ своей страны и армии. Именно такой ответственный пост – корреспондента агентства в Стокгольме – занимал в годы Первой мировой войны А. И. Марков.

С одной стороны, интерес представляет личность самого Маркова, который крайне редко упоминается в исследованиях. С другой стороны, знакомство с жизнью и деятельностью этого корреспондента позволяет в одном исследовании затронуть и развить сразу несколько смежных сюжетов: структура и деятельность СПА накануне и в годы войны; принципы назначения кандидатов на должность корреспондентов и требования к ним; взаимодействие агентства с МИД и ГУГШ; осведомление российского общества о положении в зарубежных странах. Все эти сюжеты, каждый из которых достоин отдельных статей и целых монографий, позволяет объединить восстановленная биография человека, оказавшегося в центре военных, дипломатических и личных конфликтов переломной эпохи. По верному замечанию Т. А. Павловой, «историческая наука нуждается в биографии как в источнике для анализа и оценок исторических событий и процессов, ибо предмет истории – деятельность людей» (1990).

В статье восстанавливается биография А. И. Маркова, его работа в качестве корреспондента в Германии и Швеции. При исследовании довоенных лет большое значение имеет дело Маркова из фонда Юрьевского университета, хранящегося в Национальном архиве Эстонии (*Rahvusarhiiv*). Основная информация о журналистской деятельности Маркова почерпнута из документов Санкт-Петербургского (Петроградского) телеграфного агентства, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (фонд 1358). Многочисленные упоминания о Маркове и его работе найдены в документах Отдела печати и осведомления МИД (Архив внешней политики Российской империи, фонд 140), морского Генерального штаба (Российский государственный архив Военно-морского флота, фонд 418), Центрального управления по эвакуации населения, министерства финансов Временного правительства и Наркомата финансов РСФСР (Государственный архив Российской Федерации, фонды Р3333, 6996 и Р546).

Ранние годы: Ставрополь, Тюбинген, Либава

Алексей Ильич Марков (имя при рождении – Саул Марко, «сын жителя г. Керчи»[1], «иудейского вероисповедания, из турецкоподданных»[2]) родился 20 апреля 1863 г. (ст. ст.) в Ставрополе. В 1883 г. он окончил Керченскую Александровскую гимназию, показав особенные успехи в древних и немецком языках[3], в 1888 г.

получил степень доктора государственных наук Тюбингенского университета[4], а в 1898 г. удостоен звания действительного студента Юрьевского университета[5]. К тому времени он уже был автором нескольких книг, первая из которых – самоучитель русского языка, изданный в 1887 г. в Берлине[6]. На рубеже веков Марков активно занимался переводами на немецкий язык произведений известных русских писателей – Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, В. Г. Короленко[7]. Его труд о росте населения Пруссии в 1824–1885 гг. был переиздан в 2018 г.[8] В 1900 г. Алексей Ильич был одним из основателей Либавского коммерческого училища, за что через четыре года был удостоен ордена св. Станислава 3-й степени[9]. С 1899 по 1905 г. он занимал должность секретаря при Либавском биржевом комитете[10]. Пользуясь доверием комитета, Алексей Ильич «заведовал всеми денежными оборотами» как биржевого общества, так и Либавского училища[11].

Таким образом, к 1905 г. Марков был состоявшимся ученым и переводчиком, специалистом по социальной и экономической истории Германии, в которой прожил несколько лет. Вероятно, именно этими доводами руководствовалось СПА, остановившись на его кандидатуре на должность представителя агентства в Берлине. Формальным поводом стало назначение в 1905 г. редактором «Русских ведомостей» Г. Б. Иоллоса, до того работавшего берлинским корреспондентом агентства, «Вестника финансов, промышленности и торговли» и «Торгово-промышленной газеты»[12]. В январе 1906 г. Марков был причислен к министерству финансов и приехал в Берлин для исполнения обязанностей[13].

Берлинский корреспондент (1906–1914 гг.)

В этом назначении изначально была большая доля риска, ведь Марков попал в новую для себя сферу. Хотя в Либаве он также работал представителем («агентом») СПА[14], в Берлине его ждали совершенно другой масштаб задач и уровень ответственности. К началу XX в. зарубежный корреспондент должен был обладать недюжинной работоспособностью, умением налаживать связи, передавать последние новости емко, быстро и по возможности опережать конкурентов. И если первые два качества были присущи Алексею Ильичу, то с тремя последними – и самыми важными – было гораздо сложнее. В Германии проявилась его склон-

ность высылать многословные и не всегда важные сведения. В мае 1907 г. руководство агентства указывало, что его сообщения «в большинстве случаев слишком подробны» и дают «много совершенно ненужного материала»[15]. При немалом содержании (около 200 р. осенью 1906 г.) Марков регулярно запаздывал с отправкой новостей, проигрывая агентам из частной прессы[16]. Вызывали сомнения и используемые им источники. Так, в октябре 1906 г. Марков подвергся критике за ссылки на газету «Гамбургер Нахрихт» (*Hamburger Nachricht*), которая к тому времени уже «утратила значение хорошо осведомленного и официального органа»[17].

Однако Марков был настолько упорен в своих привычках, что начальство хвалило его (с изрядной долей иронии) за редкие обратные примеры. В октябре 1907 г. он не сообщил об открытии в Берлине клиники, и в Петербурге его просили «на будущее время в подобных случаях придерживаться того же образа действий»[18]. Вместе с тем неоднократно признавались и реальные заслуги Маркова. В октябре 1908 г. его благодарили за быстроту передачи содержания речей, произнесенных в рейхстаге. «Интересное, но сжатое, в нескольких удачных штрихах, описание общей картины заседания не могло не послужить для нас доказательством того, что дело обслуживания агентства из Берлина поставлено Вами на должную высоту», – писал Маркову помощник директора-распорядителя агентства А. А. Гельфер[19]. К 1911 г. Алексей Ильич состоял в чине титулярного советника[20], а в апреле 1914 г. был награжден орденом св. Станислава 2-й степени[21].

Недостатки в работе и нежелание Маркова их признавать видны в его взаимодействии с редакцией «Вестника финансов, промышленности и торговли». Главный редактор Е. С. Каратыгин вспоминал, что в 1906 г. у него и директора СПА П. И. Миллера была надежда, что Алексей Ильич будет «одинаково полно обслуживать как агентство, так и редакцию», и тогда это было «отчасти достигнуто, так как агентство и редакция составляли одно учреждение»[22]. Миллер, по словам Каратыгина, не ставил для Маркова жестких рамок, так как видел в нем «опытного журналиста», которому ограничения «могли бы только помешать развить свою деятельность»[23]. В последующие годы Каратыгин указывал Маркову на неполноту присылаемой им информации об экономической жизни Германии и связывал это с перекосом в его работе в сторону СПА. К 1912 г. редактор пришел к выводу, что улучшить ситуацию

поможет только посылка редакцией в Берлин «особого лица, которое всесторонне и специально обслуживало бы ее»[24]. С 1 сентября 1912 г. на эту должность был назначен доктор политической экономии Цюрихского университета К. С. Лейтес[25]. Каратыгин подчеркнул, что Алексей Ильич мог продолжать посылать статьи из Германии, но только за сдельную плату, без постоянного вознаграждения[26]. Марков в ответном письме отметил свою недостаточную осведомленность, так как не был привлечен к участию в русско-германской комиссии по торговым договорам[27]. Свое увольнение он посчитал неожиданным, незаслуженным и проведенным «в самой недоброжелательной форме»[28]. Каратыгин ответил, что «недоброжелательность» скорее исходила от Маркова, так как он сам вышел из состава редакции и к тому же не закончил всю обещанную работу[29].

Довоенное сотрудничество Маркова и СПА было наполнено противоречивыми отзывами: критика и упреки чередовались с похвалами и признательностями за добросовестную службу. Однако больше было критики. Лишними директор-распорядитель агентства О. И. Ламкерт считал, например, телеграммы с мнением германских газет об австро-сербских экономических отношениях и о смерти супруги канцлера Т. Бетмана-Гольвега[30]. Нередко нарекания вызывали трактовки и комментарии Маркова к высылаемым темам. Так, его телеграмма о назначении гр. С. Окумы главной японского правительства была основана на сообщении агентства Вольфа, которое представило новый кабинет как популярный и устойчивый. Между тем токийские телеграммы корреспондента СПА, свободно владевшего японским и внимательно следившего за местной прессой, говорили как раз об обратном: кабинет недолговечен и в нем «преобладает бюрократический элемент»[31]. Из Берлина в Петербург часто приходили новости из далеких и экзотических стран, которые к тому же нередко повторяли сообщения местных корреспондентов агентства. В апреле 1914 г. Ламкерт настоятельно просил Маркова не пересылать из Парижа слухи о положении в Албании, тем более что в Цетинье у СПА был представитель[32]. Алексей Ильич по обыкновению не смутился и ответил, что передал телеграмму «на всякий случай»[33]. В мае Ламкерт раскритиковал его за «третьестепенное» сообщение о «предполагаемом отъезде королевы эллинов на морские купанья»[34]. Именно эти многочисленные «всякие случаи» больше всего раздражали правление агентства. Сообще-

ния из Берлина стоили больших денег, притом что Марков выделялся среди европейских коллег активностью. С 1 по 10 марта 1914 г. он отправил 41 телеграмму, в то время как венский корреспондент – 26, лондонский – 22, парижский – 13[35].

Сам Алексей Ильич связывал критику своей работы с тем, что начальство не знает, насколько сложно работать в Германии. Характерным эпизодом была разгоревшаяся в начале 1914 г. острая полемика между русской и германской печатью. Поводом послужила статья в «Кёльнише цайтунг» (*Kölnische Zeitung*) от 3 марта[36], автор которой обвинил Россию в подготовке к войне с Германией (Кострикова, 2011: 46). Ламкерт раскритиковал Маркова за подробный пересказ «враждебной России» статьи в «Берлинер Локал анцигер» (*Berliner Lokal-Anzeiger*). Так как перепалка в прессе несколько утихла, было бы «чрезвычайно некстати подливать печатанием в русских газетах берлинских выпадов новое масло в почти затухший огонь»[37]. Ламкерт считал, что Алексей Ильич позволил немецкой печати увлечь себя в «ею же искусственно вызванный водоворот» и израсходовал больше ста рублей на посылку «абсолютно ненужных извлечений»[38]. В ответном письме корреспондент признался, что ему было «очень больно» из-за нареканий начальства, так как скандал разгорелся не на пустом месте и в Петербурге недооценивают изменения в настроениях германской печати и общества. Он отмечал, что «здешнее общественное мнение сильно возбуждено против России, и того дружелюбного отношения, которое всегда русские встречали, особенно в консервативных сферах, теперь не встречаешь»[39].

Начало мировой войны и переезд в Стокгольм

В июне 1914 г., когда в общественной жизни наступило затишье, Марков решил взять отпуск до конца августа и провести его на юге Франции[40]. Однако отпуск пришлось прервать в конце июля, когда уже были сильные задержки в отправке телеграмм[41]. За три дня до начала европейской войны Гельфер просил Маркова «быть наготове с наступлением решительного момента отправиться из Берлина в Копенгаген и там организовать центр службы агентства»[42]. Корреспондент волен был сам выбирать пути и средства выезда, «лишь бы агентство было обеспечено своевременно доставляемыми ему сведениями о событиях»[43]. В новых условиях Копенгаген должен был стать «таким же центром заграничной

службы агентства, каким теперь является Берлин»[44]. Инструкции были получены вовремя: Алексей Ильич сумел выехать из Германии и не разделил участь тысяч русских подданных, задержанных немецкими властями. В спешке он оставил в Берлине большую часть личных вещей, местная полиция обыскала его квартиру[45]. В Германии осталась и его жена, от которой он получил письмо только в сентябре 1914 г. через испанское посольство[46]. Тем не менее связь с Петербургом удалось установить быстро. Уже 2 августа Марков телеграфировал о прибытии в Копенгаген и успел сообщить местному телеграфному агентству «Ритцау» (*Ritzau*) о себе как о представителе СПА[47].

Агентство стремилось по возможности облегчить работу и жизнь корреспондента на новом месте. Ему было назначено дополнительное ежемесячное содержание в 1 тыс. руб.[48], СПА (с сентября 1914 г. – Петроградское телеграфное агентство, ПТА) также брало на себя оплату всех телеграмм Маркова из Дании[49]. В сентябре ему в подчинение перешел местный корреспондент агентства П. Н. Остроумов[50]. Алексей Ильич быстро оценил значение нейтральной датской столицы во время европейской войны. Ламкерту он писал, что Копенгаген, «благодаря своему благоприятному положению, стал политическим центром Европы» и «все, что здесь печатается, так или иначе становится достоянием Англии, Франции и России»[51]. Неслучайно немцы старались, чтобы их новости стабильно появлялись в датской печати и рассылались «Ритцау». Марков призывал руководство не отставать и отправлять в Копенгаген военные сводки, фотографии и «вообще все, что касается России и русских»[52]. Своим успехом он считал согласие местной газеты «Политикен» (*Politiken*) печатать официальные сообщения ПТА «на видном месте, крупным шрифтом и нередко перед австрийскими сообщениями»[53]. Однако агентство далеко не всегда шло навстречу Маркову в вопросах финансирования. Так, на свидание шведского, норвежского и датского монархов в Мальмё в декабре 1914 г. корреспондент должен был ехать за свой счет[54]. Кроме того, Петроград отказал ему в расчетах датской кроной[55].

В январе 1915 г. корреспондент переехал в Стокгольм. В документах не найдено каких-либо объяснений причин этого шага. Возможно, Алексею Ильичу было «тесно» в Копенгагене с Остроумовым, он стремился к большей свободе. Так или иначе, руководство ПТА не стало возражать против переезда, но очень быстро

пожалело об этом. Уже в феврале Ламкерт указывал Маркову, что центром связи с Лондоном остается Копенгаген, а его переезд в Стокгольм «пока даже неизвестен Рейтеру». В результате из Дании и Швеции в Петроград часто приходили одни и те же телеграммы[56]. Чтобы избежать этого, ему предписывалось предварительно связываться по телефону с Остроумовым и решать, кто отправляет ту или иную новость[57]. В марте Алексей Ильич отвечал, что постоянные звонки в другую страну – дорогое удовольствие и что через Копенгаген телеграммы поступали в Стокгольм быстрее, чем напрямую из Англии в Швецию[58].

Весной 1915 г. Ламкерт неоднократно писал Маркову, что переезд был ошибкой. По его мнению, Стокгольм имел «выдающееся значение лишь в политическом отношении, в смысле же более удобного центра получения и передачи заграничных известий теперь на первом месте стоит Копенгаген»[59]. У этого была и вполне объективная причина: немецкие газеты раньше доходили до более близкой Дании. Но были и качественные отличия. Корреспонденты русских газет, по признанию Ламкерта, «часто опережают нас» и «снабжают свои редакции большим количеством материала (и именно большим количеством фактов, не слов)»[60]. Последняя фраза была явным намеком на методы работы Маркова. В феврале Ламкерт раскритиковал его за передачу по телеграфу больших выдержек из речи немецкого профессора Т. Шимана. Это была пустая трата денег, так как речь не содержала никаких интересных сведений и к тому же не могла быть пропущена военной цензурой[61]. Тогда же корреспондент отправил недостоверные сведения о поддержке папой римским выступления США в пользу мира. Ламкерт отмечал, что весь разговор был «инспирирован, если не вымышлен» агентством Вольфа, а Марков исказил сообщение и придал ему «несвойственный вес»[62]. Примером качественной работы Ламкерт считал сведения «Русского слова» о Германии, отметив, что они «в высшей степени знаменательны, и можно только пожалеть, что агентство принуждено было ознакомиться с ними из газетных телеграмм»[63].

У претензий ПТА к Маркову изначально была и политическая подоплека. 1 апреля 1915 г. Ламкерт сообщил посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову, что директор шведского телеграфного агентства Г. Эклунд обратился к нему с просьбой отозвать Маркова из Швеции. Ламкерт отметил, что высоко ценил его как журналиста, однако допускал, что «благодаря свойственной ему впечатли-

тельности и импульсивности» он мог упустить из виду, насколько разнятся условия его деятельности в Стокгольме и в Берлине. Его «настойчивое проведение определенных взглядов – может быть и ошибочных – в круги шведских журналистов, действительно, могло возбудить против него некоторых влиятельных в Швеции лиц и сделать его дальнейшее пребывание в Стокгольме нежелательным»[64]. Эклунд еще в январе высказывался против назначения Маркова, так как его приезд «возбуждает в некоторых миссиях какие-то подозрения»[65]. Ламкерт считал Маркова временным лицом в Стокгольме, но неясно было, куда его отправить, так как в Копенгагене ставка была сделана на Остроумова[66]. В ответном письме Неклюдов встал на защиту Маркова, назвав его «весьма способным и полезным телеграфным агентом»[67]. Натянутое отношение к нему дипломат объяснял откровенным «германофильством» шведской прессы. Ранее рассылка новостей ПТА в шведской печати была организована плохо: на одну русскую телеграмму в местных газетах приходилось десять немецких. Алексей Ильич значительно улучшил осведомленность за счет активного взаимодействия со шведским телеграфным агентством. Посланник заявил, что Эклунд работает «на пользу германского здесь представительства» и стремится избавиться от опасного конкурента[68].

Письмо Неклюдова заставило Ламкерта отложить решение вопроса с Марковым на неопределенный срок. Он хотел, чтобы отзыв Маркова не был связан с письмом Эклунда, однако каким-то образом Алексею Ильичу стало известно о жалобах на него шведских журналистов. Корреспондент также утверждал, что немцы вели большую работу, чтобы убрать его из Стокгольма[69]. Критика начальства заставила его «задуматься о переезде в Копенгаген», но Неклюдов убедил его остаться в Швеции[70]. Ламкерт постарался успокоить своего подчиненного, уверяя, что не хотел его обидеть и желал лишь «дальнейшего улучшения дела»[71].

Попытки улучшения стокгольмской службы ПТА

В 1915–1916 гг. Ламкерт и Марков неоднократно спорили о роли Стокгольма как информационного центра. Корреспондент настаивал, что значение шведской столицы растет, здесь больше интересуются Германией и Австро-Венгрией, сюда больше приходит немецкой литературы и новостей[72]. По мнению Маркова, если кто и виноват в перебоях доставки телеграмм, то он сам, а не

город[73]. Он просил разрешить ему лично получать газеты, приходящие из Германии паромом в Треллеборг и Мальме ежедневно в 10 часов вечера. Кроме того, стокгольмский телеграф позволял передавать депеши по-немецки, что экономило время на их составлении (телеграф в Копенгагене принимал только датский и шведский языки)[74]. Ламкерт парировал, что никакие промахи и недосмотры не объясняют разрывов в 7–8 часов между телеграммами из Швеции и Дании. От идеи получения прессы в Треллеборге он тоже отказался: корреспондент в Стокгольме и без того «сильно утомлен непрерывной напряженной работой»[75]. Более важным для него был вопрос эффективности работы Маркова. В сентябре 1915 г. из 62 его телеграмм ПТА не опубликовало 26, которые в большинстве случаев были «бесполезной затратой и вашего труда, и агентских средств»[76].

Особое внимание Ламкерт обращал на освещение внутреннего положения центральных держав. В первый год войны в русском обществе и печати была популярна мысль, что окруженные со всех сторон Германия и Австро-Венгрия в ближайшее время капитулируют под угрозой голода[77]. Летом 1915 г., во время «великого отступления» русской армии, эта позиция подвергалась в печати острой критике[78]. Однако Марков продолжал присылать многочисленные новости о якобы безнадежном положении Германии. Корреспондент считал, что «чем более мы говорим об ухудшении положения дел в Германии, тем сильнее становится дух русский»[78]. Ламкерт сетовал, что такие известия уже не вызывают доверия у читателей. Сообщения о росте цен в Берлине были окрашены «излишним пессимизмом» уже лишь потому, что в Петрограде дороговизна «перещеголяла берлинскую»[80]. На донесение Маркова о том, как, судя по опубликованным портретам, постарел кайзер, Ламкерт ответил: «Это такая мелочь и так старо, что тратить деньги на телеграмму для передачи подобного известия представляется совершенно бесполезным»[81].

Ошибки и недочеты в работе стокгольмского корреспондента ухудшали репутацию ПТА, которое и без того было под постоянным огнем критики. В первый год войны пресса предъявляла претензии к оперативности и содержанию сообщений агентства с фронта[82]. С усилением политической борьбы в 1915 г. критика ПТА нарастала соответственно критике правительства. Оппозиционная печать была особенно недовольна сокращением и искажением думских речей. Газета «День» в сентябре

прямо обвинила агентство в фальсификациях и обмане общественности, назвала корреспондентов цензорами николаевской эпохи, а директора-распорядителя заподозрила в симпатиях черносотенцам[83].

На этом фоне Ламкерт вновь вернулся к вопросу о Маркове. В октябре 1915 г. он назначил корреспондентом в Копенгагене С. А. Лабенского, до того работавшего в Львовском отделении агентства. Он должен был сообщать в Петроград главные новости, приходящие в Данию из остальной Европы. Маркову оставалось только освещение дел в Швеции и Норвегии, при этом жалованье его сохранялось на прежнем уровне[84]. Алексей Ильич отнесся к этому как к выдавливанию успешного русского агента из Швеции – важнейшей страны в русско-германском противостоянии. Он писал: «Не телеграммами о мелочах, не отдельными фактами характеризовалась моя здешняя работа, а всем ее направлением, всей ее политической тенденцией – и если я подавал иногда и лишние депеши, то я руководствовался лишь одними и теми же политическими соображениями <...> Я чувствую себя физически усталым и нравственно разбитым. Германцы опять одержали победу. Им нужно было устранить меня от обрабатывания германо-австрийских сообщений и это им удалось»[85]. Ламкерт в ответе еще раз подчеркнул, что зарубежные корреспонденты – не секретные агенты, их задача состоит в своевременной посылке актуальных новостей. Особенно чувствительными для него были намеки на немецкое влияние: «О какой победе немцев здесь можно говорить? Вы знаете, как высоко ценю я вашу деятельность, но это все же не дает вам повода так переоценивать ее»[86].

Тем не менее и в этот раз решение вопроса о стокгольмском корреспонденте было отложено. Причина проскальзывала в переписке, но не озвучивалась напрямую: Марков работал в Швеции не только на ПТА. Он регулярно отправлял в Петроград обзоры германской и шведской печати, сообщал о настроениях в правительственных «сферах»[87]. Адресатом этих сообщений в годы войны обычно был Отдел печати и осведомления МИД, который нередко переправлял полученные материалы в другие ведомства, например в морской Генеральный штаб[88]. Учитывая этот фактор, Ламкерт был вынужден искать лучшее применение способностям Маркова. Сам Алексей Ильич в январе 1916 г. предложил дать ему возможность более плотно работать с германской печатью и свои мысли пересылать почтой, а не телеграфом, что

было бы более интересно для него и для МИД[89]. В феврале Ламкерт сообщил о создании специальной службы внутри ПТА, которая собирала бы все сведения, представлявшиеся «излишними» в бюллетенях[90]. Это был компромисс, закрепленный во время приезда Алексея Ильича в Петроград в феврале–марте 1916 г. Хотя ранее Ламкерт грозил ему, что при встрече выскажет «все, что накопилось»[91], разговор, вероятно, получился плодотворным. В конце марта он констатировал, что возвращение Маркова в Стокгольм резко изменило количество и качество поступающих оттуда телеграмм, сделав их «опять полными интересных сведений и разнообразными»[92].

Вскоре, однако, вопрос о Маркове вновь обострился. В апреле 1916 г. на пост директора-распорядителя ПТА был назначен И. Я. Гурлянд, который критиковал корреспондента за те же недостатки в работе[93]. В вину ему ставилось, что даже официозная пресса (прежде всего «Новое время») при перепечатке новостей из Швеции и Германии «почти ежедневно выискивает способы, чтобы нас укорить так или иначе»[94]. Особое недовольство Гурлянда вызывала пересылка слухов о скором мире. Русские газеты, по его мнению, «не любят пацифистского материала»[95], а «шум и суетня германских агитаторов» не должны появляться в бюллетенях агентства[96]. Не представляли интереса и телеграммы о голоде в Германии, так как «в настоящее время нет страны в Европе, где не было бы дороговизны и затруднений с провизией»[97]. Крупных голодных бунтов в Германии не было, что «заставляет сомневаться, да уж имеет ли какое-либо политическое значение недостаток продуктов?»[98]. В материалах газетных корреспондентов «ярко и красочно представлялась нищета в Германии», в то время как в телеграммах из Стокгольма сообщалось о поездках кайзера и бюджетных показателях[99]. Жесткую критику вызвала посылка в Петроград комментариев немецкой прессы о перестановках в Совете министров в июле 1916 г. «Просто не верится, чтобы вы, опытный корреспондент, могли так поступить, – писал Маркову Гурлянд. – Не телеграфирует ли временами кто другой вместо вас?»[100].

При этом Гурлянд осознавал нужность Маркова как осведомителя МИД в важнейшей нейтральной столице. Он понимал, что Алексей Ильич неслучайно большую часть своих известий помечал как «специальные телеграммы»: так он мог выслать материал, который может заинтересовать МИД, но вряд ли привлечет внимание читателя[101]. Для Гурлянда этот перекос в сторону осведомления ведомств был неприемлем, он делал ставку на улучшение

репутации агентства в печати и в российском обществе. Марков тоже понимал причины недовольства начальства и придумывал разные способы усовершенствования работы. Для улучшения оповещения о жизни в центральных державах он предлагал перенести службу в Швейцарию, в Базель, куда быстро доходили баварские и вюртембергские газеты и где выходило много немецкоязычной прессы. По его мнению, это давало «большой выигрыш во времени и агентство могло бы опередить всех частных корреспондентов»[102]. Гурлянд с этим вариантом не согласился, так как на практике телеграммы из Швейцарии шли в Петроград значительно дольше[103]. С директором согласился и местный корреспондент агентства В. П. Сватковский[104].

Постоянно критикуя Маркова, Гурлянд, однако, не ставил открыто вопрос о его переводе или увольнении. Напротив, реальное положение корреспондента даже укрепилось: едва придя на пост директора-распорядителя, Гурлянд уволил со службы представителя в Копенгагене Лабенского и поручил Маркову контролировать передачу телеграмм из датской столицы[105]. К тому же на должность представителя в Стокгольме нужна была кандидатура, устраивающая не только агентство, но и посланника в Швеции и МИД. Неклюдов постоянно защищал корреспондента от критики и противился его переезду. В мае 1916 г. он обратился к начальнику канцелярии МИД барону М. Ф. Шиллингу с просьбой причислить Маркова к русской миссии в Стокгольме, чтобы обезопасить его от «внезапной» высылки под влиянием местных «германофильских кругов»[106]. Просьба, однако, не была удовлетворена[107]. В октябре Алексей Ильич сам попросил об освобождении от должности по состоянию здоровья, и товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов в письме Неклюдову спросил, только ли в здоровье было дело[108]. Посланник ответил, что ходатайство вызвано «участившимися за последнее время и неосновательными упреками ПТА, выражаемыми в резкой и обидной... форме». Он вновь повторил, что работа Маркова весьма полезна для русской миссии и его необходимо уговорить остаться в Швеции, «указав ПТА на желательность более справедливого и корректного к нему отношения»[109]. Через несколько дней Нератов ответил, что корреспондент «может рассчитывать на более внимательное и бережное к себе отношение», и просил убедить его не увольняться[110].

В итоге Марков вновь сохранил пост корреспондента. Более того, Гурлянд в декабре 1916 г. расширил его полномочия, предписав ежедневно передавать «все интересное» из телеграмм Стокгольмского бюро – нового конкурента Шведского агентства. Особо подчеркивалось, что для таких сообщений важны подробности и авторский анализ сюжетов. Марков не должен был «стесняться» ни роста затрат на передачу таких длинных сообщений, ни возможного дублирования новости им и Остроумовым: «каждый даст или иное освещение тому же факту, или иные детали его»[111]. По сути, это было воплощением идеи самого Алексея Ильича о его сосредоточении на пространных обзорах германской печати, которые он отправлял бы почтой, а не телеграфом. Однако долго этими уступками начальства ему пользоваться не пришлось.

После революции

В марте–апреле 1917 г. новая власть начала масштабное изменение всех правительственных учреждений по делам печати и информирования. Реформы затронули и ПТА. В пояснительной записке к проекту его реорганизации комиссар Временного правительства гр. Д. П. Капнист отмечал, что «серьезное обновление» было необходимо и в составе иностранных представителей ПТА, которые «в общем весьма мало отвечают своему назначению»[112]. Для многих европейских сотрудников это означало неминуемое увольнение, и Марков не был исключением. Первым «звонком» для него стал отказ Петрограда в марте 1917 г. выслать наградные деньги[113]. В апреле новый директор-распорядитель А. М. Ловягин сообщил ему о решении отправить в Стокгольм другого корреспондента, который должен был прибыть туда к началу мая[114]. Марков ответил, что «глубоко возмущен» своим увольнением, «понадобившимся, по-видимому, чтобы дать место сотруднику “Речи”»[115]. Действительно на его место был назначен представитель кадетской газеты в Копенгагене П. О. Шутяков. Ловягин объяснил, что реформа агентства предполагала замену корреспондентов в ключевых центрах Европы, и «прежде всего – в Стокгольме»[116]. Алексей Ильич на сей раз не стал бороться за эту «нервную и тяжелую службу», попросив лишь оставить его осведомителем МИД[117]. Учитывая изменившиеся обстоятельства, Неклюдов также не стал заступаться за корреспондента. Напротив,

в телеграмме Нератову он «вспомнил» доходившие до него слухи о работе Маркова осведомителем русской полиции в Берлине[118].

Вплоть до июня 1917 г. Марков оставался в Стокгольме как представитель МИД, его задачей было рецензирование и переправка в Россию немецкой и шведской литературы на экономические, внешнеполитические и финансовые темы[119]. К августу он числился чиновником особых поручений при министерстве финансов[120]. В 1918 г. Алексей Ильич участвовал в совещаниях при «Особом отделе по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора» Наркомата финансов РСФСР[121]. В сентябре Марков должен был отправиться в Данию в качестве уполномоченного Центральной коллегии о пленных и беженцах (Центропленбеж). По его признанию, он «был бы счастлив, что мог работать в такой области, в которой советская власть первая со времени войны оказалась на необыкновенной высоте»[122]. Однако незадолго до отъезда, 25 сентября, он был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности[123]. Сам Алексей Ильич связывал свой арест с появившейся накануне в «Известиях» статьей «Пропаганда царского правительства за границей», где среди прочего рассказывалось о попытках МИДа вести в Швеции пропаганду нейтралитета[124]. В письме в Центропленбеж он уверял, что «всегда восставал против подкупа печати и сам никогда ни одной копейки газетам не давал», лоялен советской власти и в целом разделяет программу большевиков[125]. В итоге в декабре 1918 г. дело было прекращено[126]. В 1920-е гг. Марков постоянно жил в Кенигсберге, с 1922 г. возглавляя Экономический институт для сношений с Россией и восточноевропейскими государствами (Костяшов, 2011: 56). В 1929 г. он посетил СССР в составе делегации Восточной Пруссии (Там же: 57). Дата смерти и место захоронения Алексея Ильича на данный момент неизвестны.

Заключение

Деятельность корреспондента ПТА в Берлине и Стокгольме А. И. Маркова во многом отражала проблемы агентства с организацией получения новостей из-за рубежа. В данном случае сошлись как объективные, так и субъективные обстоятельства. С одной стороны, проблемой был сам Алексей Ильич, склонный к многословию, задержкам и отправке малозначительных сведений. С другой стороны, назначение Маркова – в прошлом секретаря

Либавского биржевого комитета – показывало, что подбор кадров в агентстве не всегда учитывал наличие у кандидата журналистского таланта. Нельзя сказать, что у Алексея Ильича этот талант отсутствовал. Напротив, работая в Германии и Швеции, он предоставлял глубокий и качественный анализ местных политических процессов, экономического развития, общественных настроений. Но если МИД вполне устраивали его аналитические обзоры, то для ПТА этого было недостаточно, оно требовало от корреспондента мобильности, кратких и емких сообщений, способных заинтересовать читателя. Иными словами, требовалось то, чего Марков не мог дать в достаточной мере, хотя и старался. Характерно, что регулярно критикуемый начальством Алексей Ильич проработал корреспондентом больше десяти лет. Все директора агентства, видя ценность Маркова для МИДа, были вынуждены оставлять его на ответственном посту. Примечательно и то, что революция 1917 г. и смена руководства агентства практически сразу привели к его увольнению.

Приложение

А. И. Марков, ок. 1898 г.

Источник: Rahvusarhiiv (Национальный архив Эстонии). Ф. EAA.384. Оп. 1. Д. 4726. Л. 1.

Примечания

[1] Rahvusarhiiv (Национальный архив Эстонии). Ф. EAA.384. Оп. 1. Д. 4726. Л. 7.
[2] Там же. Л. 27.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Там же. Л. 7.
[6] Markow A. (1887) *Der perfekte Russe: Eine Anleitung ohne Lehrer Russisch richtig lesen, schreiben und sprechen zu lernen. Mit vollständig beigefügter Aussprache*. Berlin.
[7] Turgenjew I. S. (1889) *Federzeichnungen eines Jägers*. Halle a.d.S.: Hendel; Tolstoj L. N. (1890) *Meine Beichte*. Berlin: Cassirer & Danziger; Ostrovskij A. N. (1893) *Gewitter: Drama in fünf Aufzügen*. Berlin: Malcomes; Korolenko V. G. (1892) *Der blinde Musiker: Studie*. Halle: Hendel; Dostojewski F. (1905) *Aus dem dunkelsten Winkel der Großstadt*. Berlin: H. Steinitz.
[8] Markow A. (2018) *Das Wachstum der Bevölkerung und die Entwicklung der Aus-und Einwanderungen, Ab-und Zuzüge in Preussen und Preussens Einzelnen Provinzen, Bezirken und Kreisgruppen Von 1824 Bis 1885*. Melbourne: Leopold Publ.
[9] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 24. Д. 1093. Л. 444.
[10] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 22.
[11] Там же.
[12] РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1383. Л. 20.
[13] Там же. Л. 30.
[14] РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1383. Л. 3 об.
[15] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 935. Л. 272.
[16] Там же. Л. 165.
[17] Там же. Л. 161.
[18] Там же. Л. 299.
[19] Там же. Л. 244.
[20] РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1382. Л. 228.
[21] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 70.
[22] РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1382. Л. 286. До 1909 г. СПА находилось в ведении министерства финансов.
[23] Там же.
[24] Там же. Л. 275.
[25] Там же. Л. 290.
[26] Там же. Л. 275, 275 об.
[27] Там же. Л. 282–283.
[28] Там же. Л. 292.
[29] Там же. Л. 292 об.
[30] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л 86.
[31] Там же. Л. 70.
[32] Там же. Л. 73.
[33] Там же. Л. 77.
[34] Там же. Л. 100.
[35] Там же. Л. 55.
[36] Здесь и далее даты приведены по Григорианскому календарю.
[37] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 48.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 53.
[40] Там же. Л. 105.
[41] Там же. Л. 125, 127, 128.
[42] Там же. Л. 130.

[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 172.
[46] Там же.
[47] Там же. Л. 133.
[48] Там же. Л. 142.
[49] Там же. Л. 145.
[50] Там же. Л. 169.
[51] Там же. Л. 173.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Там же. Л. 185.
[55] Там же. Л. 181.
[56] Там же. Л. 214.
[57] Там же. Л. 212.
[58] Там же. Л. 236.
[59] Там же. Л. 230.
[60] Там же. Л. 231 об.
[61] Там же. Л. 212.
[62] Там же. Л. 230
[63] Там же. Л. 231 об.
[64] Там же. Л. 224.
[65] Там же. Л. 225.
[66] Там же. Л. 224.
[67] Там же. Л. 243.
[68] Там же.
[69] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 105.
[70] Там же. Л. 2.
[71] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 260.
[72] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 2.
[73] Там же. Л. 10-12.
[74] Там же. Л. 2.
[75] Там же. Л. 14 об.
[76] Там же. Л. 117.
[77] Настроение в Германии // Новое время. 1914. Сент., 26; В Германии // Русское слово. 1914. Окт., 17.
[78] Среди газет и журналов // Новое время. 1915. Июнь, 11; Германия сейчас // Русское слово. 1915. Июль, 4.
[79] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 176 об.
[80] Там же. Л. 119 об.
[81] Там же. Л. 240.
[82] Русские ведомости. 1914. Авг., 14; РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 2091. Л. 6, 18.
[83] Там же. Л. 111.
[84] Там же. Л. 144.
[85] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 187.
[86] Там же. Л. 184.
[87] См., напр.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 140. Оп. 477. Д. 830. Л. 36, 105; Там же. Д. 649. Л. 268.
[88] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 4028. Л. 26, 26 об.
[89] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 210.
[90] Там же. Л. 231–232.

[91] Там же. Л. 182 об.
[92] Там же. Л. 243.
[93] Там же. Л. 255, 271, 280 об.
[94] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 945. Л. 2.
[95] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 248.
[96] Там же. Л. 266 об.
[97] Там же. Л. 289.
[98] Там же. Л. 289 об.
[99] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 945. Л. 11–13.
[100] Там же. Л. 14.
[101] Там же. Л. 12.
[102] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 944. Л. 260.
[103] Там же. Л. 261.
[104] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 945. Л. 7.
[105] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 867. Л. 1.
[106] Там же. Л. 8.
[107] Там же. Л. 9.
[108] Там же. Л. 19.
[109] Там же. Л. 20.
[110] Там же. Л. 21.
[111] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 945. Л. 120.
[112] Там же. Л. 32 об.
[113] РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 945. Л. 177.
[114] Там же. Л. 191.
[115] Там же. Л. 194.
[116] Там же. Л. 199.
[117] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 867. Л. 24.
[118] Там же. Л. 23.
[119] ГАРФ. Ф. Р3333. Оп. 2. Д. 24. Л. 76 об.
[120] ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 443.
[121] ГАРФ. Ф. Р546. Оп. 1. Д. 14, 22.
[122] ГАРФ. Ф. Р3333. Оп. 2. Д. 24. Л. 76 об.
[123] Марков Алексей Ильич. Режим доступа: https://base.memo.ru/person/show/2682825 (дата обращения: 30.04.2021).
[124] Известия. 1918. Сент., 26.
[125] ГАРФ. Ф. Р3333. Оп. 2. Д. 24. Л. 76, 76 об, 77.
[126] Марков Алексей Ильич. Режим доступа: https://base.memo.ru/person/show/2682825 (дата обращения: 30.04.2021).

Библиография

Кострикова Е. Г. Русско-германская «газетная война» начала 1914 года // Вестн. Новгородск. гос. ун-та. 2011. № 63. С. 45–48.

Костяшов Ю. В. Еще раз о визите делегации из Восточной Пруссии в СССР в 1929 г. // Калининградские архивы. Сб. науч. ст. Вып. 9. Калининград: Изд-во БФУ им. Канта, 2011. С. 48–60.

Михайлова Ю. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и его корреспонденты в Японии (1907–1917 гг.) // Japanese Slavic and East European Studies. 2017. Т. 38. С. 77–92. DOI: https://doi.org/10.5823/jsees.38.0_77

Объедков И. В. Пропагандисты русского военного ведомства в США (1915–1917) // Известия Уральск. фед. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 34–41.

Объедков И. В. Журналист И. С. Наимский и русская военная пропаганда в заграничной печати: 1915–1917 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2015. № 3. С. 116–131.

Объедков И. В. Пресс-конференции в русском Генеральном штабе о вступлении Румынии в Первую мировую войну // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 1. С. 40–63.

Павлова Т. А. Историческая биографистика в СССР// Новая и новейшая история. 1990. № 2.

Петрова А. А. Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое Время» за 1914–1917 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 68–73.

Notes

Germania seychas [Germany Now] (1915) *Russkoe Slovo*. 4 July.

Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (*AVPRI*) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Fund 140. Inv. 477. Files 649, 830, 867.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (*GARF*) [State Archive of the Russian Federation]. Fund 546. Inv. 1. Files 14, 22.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (*GARF*) [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1787. Inv. 1. File 27.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (*GARF*) [State Archive of the Russian Federation]. Fund 6996. Inv. 1. File 443.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii (*GARF*) [State Archive of the Russian Federation]. Fund R3333. Inv. 2. File 24. (In Russian)

Dostojewski F. (1905) *Aus dem dunkelsten Winkel der Großstadt* [From the Darkest Corner of a Big City]. Berlin: H. Steinitz.

Izvestiya. 1918. 26 Sept.

Korolenko V. G. (1892) *Der blinde Musiker: Studie* [The Blind Musician: Study]. Halle: Hendel.

Markow A. (1887) *Der perfekte Russe: Eine Anleitung ohne Lehrer Russisch richtig lesen, schreiben und sprechen zu lernen. Mit vollständig beigefügter Aussprache* [The Ideal Russian: Instructions on How to Read, Write and Speak Russian Without a Teacher. Attached Is a Full Discussion]. Berlin.

Markow A. (2018) *Das Wachstum der Bevölkerung und die Entwicklung der Aus-und Einwanderungen, Ab-und Zuzüge in Preussen und Preussens Einzelnen Provinzen, Bezirken und Kreisgruppen Von 1824 Bis 1885* [Population Growth and the Development of Emigration and Immigration in Prussia and Individual Prussian Provinces, Districts and Regions from 1824 to 1885]. Melbourne: Leopold Publ.

Nastroenie v Germanii [Mood in Germany] (1914) *Novoe Vremya*. 26 Sept.

Ostrovskij A. N. (1893) *Gewitter: Drama in fünf Aufzügen* [The Thunderstorm: a drama in 5 acts]. Berlin: Malcomes.

Rahvusarhiiv. Fund EAA.384. Inv. 1. File 4726.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voyenno-Morskogo Flota (*RGA VMF*) [Russian State Naval Archive]. Fund 418. Inv. 1. File 4028.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (*RGIA*) [Russian State Historical Archive]. Fund 23. Inv. 24. File 1093.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (*RGIA*) [Russian State Historical Archive]. Fund 564. Inv. 2. Files 1382, 1383.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (*RGIA*) [Russian State Historical Archive]. Fund 1358. Inv. 1. Files 935, 943, 944, 945, 2091.

Russkie Vedomosti. 1914. 14 August.

Sredi gazet i zhurnalov [Among Newspapers and Magazines] (1915) *Novoe Vremya*. 11 June.

Tolstoj L. N. (1890) *Meine Beichte* [My Religion]. Berlin: Cassirer & Danziger.

Turgenjew I. S. (1889) *Federzeichnungen eines Jägers* [A Hunter's Drawings Done with a Quill]. Halle a.d.S.: Hendel.

V Germanii [In Germany] (1914) *Russkoe Slovo.* 17 Oct.

References

Kostyashov Yu. V. (2011) Eshche raz o vizite delegatsii iz Vostochnoy Prussii v SSSR v 1929 g. [Once Again on the Visit of the Delegation from East Prussia to the USSR in 1929]. In *Kaliningradskie Arkhivy. Sb. nauch. st. Vyp. 9* [Kaliningrad Archives. A collection of scientific articles. Issue 9]. Kaliningrad: Kant Baltic Federal University Publ. Pp. 48–60. (In Russian)

Kostrikova E. G. (2011) Russko-germanskaya «gazetnaya voyna» nachala 1914 goda [Russian-German "Newspaper War" in the Early 1914]. *Vestn. Novgorodsk. gos. un-ta* 63: 45–48. (In Russian)

Mikhaylova Yu. (2017) Sankt-Peterburgskoe telegrafnoe agentstvo i ego korrespondenty v Japonii (1907–1917 gg.) [St. Petersburg Telegraph Agency and Its Correspondents in Japan (1907–1917)]. *Japanese Slavic and East European Studies* 38: 77–92. DOI: https://doi.org/10.5823/jsees.38.0_77 (In Russian)

Ob"edkov I. V. (2014) Propagandisty russkogo voyennogo vedomstva v SSHA (1915–1917) [Propagandists of the Russian Military Department in the USA (1915–1917)]. *Izvestiya Ural'sk. fed. un-ta. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki* 3: 34–41. (In Russian)

Ob"edkov I. V. (2015) Zhurnalist I.S. Naimskiy i russkaya voennaya propaganda v zagranichnoy pechati: 1915–1917 gg. [Journalist I. S. Naimsky and Russian Military Propaganda in the Foreign Press: 1915–1917]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 116–131. (In Russian)

Ob”edkov I. V. (2017) Press-konferencii v russkom General’nom shtabe o vstuplenii Rumynii v Pervuyu mirovuyu voynu [Press Conferences at the Russian General Staff on Romania’s Entry into the First World War]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 1: 40–63. (In Russian)

Pavlova T. A. (1990) Istoricheskaya biografistika v SSSR [Historical Biographical Studies in the USSR]. *Novaya i noveyshaya istoriya* 2. (In Russian)

Petrova A. A. (2015) Posrednicheskaya i gumanitarnaya deyatel’nost’ Ispanii v gody Pervoy mirovoy voyny v vospriyatii rossiyskoy obshchestvennosti (po materialam gazety «Novoe Vremya» za 1914–1917 gg.) [Intermediary and Humanitarian Activities of Spain During the First World War in the Perception of the Russian Public (a case study of the Novoe Vremya newspaper for 1914–1917)]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie* 3: 68–73. (In Russian)

Поступила в редакцию
04.05.2021